

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХІХ.

1900.

І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1900.

ПРАВТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	61
II. Высочайшія награды	64
III. Высочайшіе приказы	65
IV. Министерскія распоряженія	75
V. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	99
VI. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	109
Открытіе училищъ	112
Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. 21-е присужденіе премій Императора Петра Великаго	113
Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха. II (<i>продолженіе</i>)	209
А. Л. Погодинъ. Распространеніе культуры въ доисторическія времена	259
М. М. Хвостовъ. Изученіе экономическаго быта древности	281
Г. В. Форстенъ. Къ вѣстной политикѣ великаго курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго	304

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

В. А. Вильбасовъ. Пемировскій конгрессъ	331
С. О. Ольденбургъ. Современный индійскій святой	347
Л. Нидерле. <i>Miller, K. Dr. Mappae Mundi. Die ältesten Weltarten.</i> Stuttgart (I. Roth). 1895—1898	354
А. С. Вязигинъ. <i>Taube, баронъ.</i> Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. X. 1899	363
В. М. Ляпуновъ. Отвѣтъ на рецензію профессора А. И. Соболевскаго	385
А. И. Соболевскій. Отвѣтъ на отвѣтъ Б. М. Ляпунова	401
— Книжныя новости	404

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А. Киселевъ. Систематическій курсъ ариметики	25
А. Вонсовъ. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе	26
Викторъ Метевъ. Грамматика французскаго языка	28
А. Plästerer. Lehrbuch der deutschen Sprache für Gymnasien	34
Тоже. Kursus der dritten Klasse	—
М. Эртель. Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій языкъ съ словаремъ	36
М. Эртель. Hilfsbuch zum praktischen Unterricht der deutschen Sprache	—
М. Эртель. Сокращенная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества	—

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

А. И. Загоровскій. О преподаваніи и изученіи гражданскаго права, въ связи съ нѣкоторыми другими, сюда относящимися вопросами. Глава V (<i>продолженіе</i>)	61
---	----

(См. 3-ю стр. обложки).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Немировскій конгрессъ.

А. Лочубинскій, „Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турци. Изъ исторіи восточнаго вопроса. Война пяти лѣтъ, 1735 — 1739“. Одесса, 1899.

Съ тѣхъ поръ, какъ наблюденіе и опытъ обновили физическія науки, указавъ общіе законы, управляющіе безконечнымъ разнообразіемъ явленій природы, подобный же переворотъ совершился и въ области наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ человѣка. Философія, исторія, политическая экономія, статистика не имѣютъ иной цѣли кромѣ розысканія естественныхъ и моральныхъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Конечно, между природой и человѣкомъ есть та великая разница, что человѣкъ одаренъ свободною волею; но это новое условіе, усложняя задачу, не измѣняетъ ее. Недостаточно изучить событія, то-есть, результаты, необходимо изслѣдовать идеи, то-есть причины, необходимо раскрыть генеалогію идей, безъ чего событія остаются голыми скелетами. Изучить исторію идей, прослѣдить ихъ зарожденіе, развитіе, паденіе или переходъ одной въ другую—вотъ что необходимо изгнать изъ исторической науки все, что считается до настоящаго времени случайнымъ и чѣмъ мы прикрываемъ только наше невѣжество.

Одною изъ такихъ идей, если не самою важною, то, во всякомъ случаѣ, наиболѣе вліятельною на историческія судьбы русскаго народа, является такъ называемый „восточный вопросъ“, проходящій черезъ всю тысячелѣтнюю исторію Россіи, отъ перваго набѣга нашихъ предковъ на Византію въ 860 году до стоянки русскихъ войскъ

въ 1877 году подъ Константинополемъ, въ Санъ-Стефано. Восточный вопросъ для Западной Европы, южный—для насъ, есть жизненный вопросъ не только Россіи, но всего славянскаго племени; стремленіе къ его разрѣшенію является историческимъ подвигомъ русскаго народа. Какъ же сложился этотъ вопросъ, какъ развивался, какіе фазы переживалъ и въ какомъ состояніи представляется въ настоящее время?

Появленіе русскихъ на исторической сценѣ обозначалось движеніемъ на югъ, чрезъ земли печенѣговъ и половцевъ, по Черному морю и по Болгарскому царству, къ Византіи. Первые русскіе князья, почти всѣ, предпринимали походы на Византію, въ Царьградъ, и проходили по тѣмъ путямъ, которыми мы пользуемся и въ настоящее время въ борьбѣ съ Турціею, смѣнявшею Византію. Это наши естественные пути: морской путь отъ Днѣпра (860, 907, 941, 988 гг.), путь чрезъ долину Дуная и Болгарію (967—972, 1116 гг.), путь между Чернымъ и Каспійскимъ морями (походъ Святослава, Владиміра и др. въ Тмутаракань) и одновременное пользованіе этими путями (944, 1043 гг.). Эти походы на югъ завязали торговыя сношенія съ Византіею, установили религіозное и культурное съ нею общеніе, но, въ то же время, обнаружили ясно, что безусловное обезпеченіе нашего движенія на югъ можетъ быть достигнуто только полнымъ покореніемъ сосѣдей, враждебно относившихся къ этому нашему движенію. Удѣльными распри и монгольское иго надолго прекратили наше южное движеніе, и цѣлые вѣка, отъ XIV до XVII, русское государство только защищается отъ безпрерывныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Только Іоаннъ IV пытался перейти въ наступленіе противъ татаръ, только при немъ возникла даже мысль о покореніи Крыма, объ обращеніи Чернаго моря въ русское озеро (Адашевъ), но тогда эта мысль была признана невыполнимою, какъ приводившая къ борьбѣ съ сильною Турціею. Эта попытка, дѣйствительно, и окончилась неудачею въ 1687—1689 гг., наканунѣ появленія Петра Великаго, который возобновилъ борьбу за Черное море. Какъ гениальный стратегъ, онъ, прежде всего, сталъ твердою ногою на Азовскомъ морѣ (1695—1696 гг.), что давало ему хорошую базу для борьбы съ Турціею и сильную позицію для сдерживанія крымскихъ татаръ. Какъ мудрый политикъ, онъ хорошо понималъ измѣняющуюся международную обстановку нашего движенія на югъ и вѣрно опредѣлилъ новыя средства борьбы: въ виду того, что слабая, культурная, православная Византія уступила свое мѣсто сильной, грубой,

мусульманской Турціи, Петръ I связываетъ вопросъ объ обладаніи Чернымъ моремъ съ вопросомъ объ освобожденіи православныхъ, славянъ и грековъ, подданныхъ Турціи. Такою вѣрною въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ постановкою вопроса мы обязаны Петру Великому. Практическое разрѣшеніе восточнаго вопроса по этой новой постановкѣ требовало, конечно, времени и силъ; оно заняло цѣля два столѣтія и все еще не доведено до конца. Между тѣмъ Петръ Великій, занятый войною на Сѣверѣ, со Швеціей, началъ одновременно и войну на Югѣ, съ Турціею; такая война на два фронта, на противоположныхъ окраинахъ государства, требовала чрезвычайнаго напряженія, оказалась превышающею средства Россіи и окончилась полнымъ пораженіемъ русскихъ на Прутѣ (1711 г.), причѣмъ были потеряны всѣ приобрѣтенія, достигнутыя Азовскими походами.

Преемники Петра Великаго воспользовались его уроками и постепенно, мало-по-малу очищали путь къ достиженію конечной цѣли.

Двадцать пять лѣтъ спустя послѣ злосчастнаго прутскаго договора Россія впервые вела войну съ Турціею (1735—1739), при чемъ впервые же присоединила отъ Турціи 1.657 кв. миль, какъ, равнымъ образомъ, впервые же русскія войска одержали при Ставучанахъ замѣчательную побѣду надъ турецкою арміею. Это было, со стороны Россіи, начало раздѣла Турціи. Послѣ двухъ екатерининскихъ войнъ Турція уступила Россіи 2.474 кв. м., при чемъ Россія утвердилась на берегахъ Азовскаго и по сѣверному побережью Чернаго моря, Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи и наша юго-западная граница дошла до Днѣпра. При Александрѣ I Россія приобрѣла Бессарабію (828 кв. м.), и граница наша приблизилась къ Пруту и низовьямъ Дуная; при Николаѣ I русскія войска впервые шагнули за Балканы, Россія утвердилась на восточномъ берегу Чернаго моря, приобрѣла 772 кв. м. и содѣйствовала образованію независимаго греческаго королевства и автономныхъ Молдавіи, Валахіи, Сербіи, вслѣдствіе чего, въ общей сложности, Турція лишилась 3.552 кв. м. Въ послѣднюю войну (1877—1878 гг.) Турція потеряла 4.897 кв. м. образованіемъ болгарскаго княжества, независимыхъ Румыніи и Сербіи, отдѣленіемъ Кипра къ Англіи и Босніи съ Герцеговиной къ Австріи.

Подведемъ итоги: при подписаніи въ 1711 г. прутскаго договора Турція владѣла на европейскомъ материкѣ 15.592 кв. м.; въ настоящее время ея европейскія владѣнія ограничиваются 4.558 кв. м., то-есть въ послѣднія два столѣтія она потеряла 11.034 кв. м. Мил-

ліоны турецко-подданныхъ славянъ освобождены отъ мусульманскаго яга. Турецкой имперіи, какъ европейской державы, способной быть грозой сосѣдей, не существуетъ. Въ такомъ положеніи представляется нынѣ „восточный вопросъ“ и въ такомъ положеніи онъ останется на долго, по крайней мѣрѣ относительно Россіи, которая, отказавшись отъ своего традиціоннаго, вѣками прокладывавшагося пути въ южномъ направленіи, перенесла свое вниманіе на отдаленный Востокъ, въ Портъ-Артуръ...

Исторія „восточнаго вопроса“ еще не написана; даже отдѣльные эпизоды его еще не изслѣдованы. Въ трудахъ Соловьева, Ульяницкаго, Стрѣльбицкаго, Петрова, въ статьяхъ Ковалова, Фадѣева и др. намѣчены только, болѣе или менѣе удачно, направленіе и способъ обработки частныхъ вопросовъ. Въ русской исторической литературѣ восточный вопросъ все еще представляется вопросомъ, требующимъ отвѣта. До настоящаго времени ученымъ образомъ всесторонне изслѣдованъ только эпизодъ пятилѣтней войны Россіи съ Турціею при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ недавно вышедшемъ трудѣ заслуженнаго профессора Новороссійскаго университета А. А. Кочубинскаго.

Давно уже, лѣтъ тридцать, если не болѣе, г. Кочубинскій интересуется восточнымъ вопросомъ и печатаетъ свои монографіи по этому вопросу въ различныхъ журналахъ ¹⁾. Его точка зрѣнія, какъ и интересующіе его предѣлы вопроса довольно точно опредѣляются первымъ его изслѣдованіемъ—„Южные славяне, румыны и Петръ Великій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“, появившемся въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ 1872 г., и еще болѣе его монографіей „Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ“, напечатанной въ *Историческомъ Вѣстникѣ* въ 1881 г. Изъ обширной тысячелѣтней исторіи восточнаго вопроса г. Кочубинскій интересуется преимущественно исторіею послѣднихъ двухъ столѣтій, когда наше историческое движеніе на Югъ, вслѣдствіе новой постановки вопроса Петромъ Великимъ, обратилось въ „восточный вопросъ“, благодаря привлеченію новаго сильнаго фактора въ лицѣ турецко-подданныхъ славянъ. Появившаяся же недавно монографія г. Кочубинскаго „На Босфорѣ въ 1735 году“, напечатанная въ *Вѣстникѣ Европы* въ 1897 году, свидѣтельствовала, что изъ двухсотлѣтней исторіи собственно восточнаго

¹⁾ Всѣ эти журнальныя статьи изданы г. Кочубинскимъ въ особомъ сборникѣ подъ заглавіемъ „Очерки исторіи и политики славянъ“. Одесса, 1876.

вопроса г. Кочубинскій интересуется преимущественно временемъ Анны Іоанновны и особенно отношеніемъ гр. А. И. Остермана къ восточному вопросу, что и выразилось въ его обширномъ трудѣ, наполнявшемъ 74-й томъ „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета“.

Основное заглавіе послѣдняго труда г. Кочубинскаго — „Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи“ — не даетъ точнаго понятія о его содержаніи, такъ какъ рассматриваемый трудъ не посвященъ специально ни гр. Остерману, ни раздѣлу Турціи; второе заглавіе — „Изъ исторіи Восточнаго Вопроса“ — страдаетъ, въ свою очередь, неопредѣленностью; только третье заглавіе, Русско-турецкая „война пяти лѣтъ, 1735—1739“, довольно точно опредѣляетъ предметъ изслѣдованія. Только по старательномъ ознакомленіи съ этимъ почтеннымъ трудомъ объясняется, если и не оправдывается, обиліе его заглавій: русско-турецкую войну 1735—1739 гг. г. Кочубинскій рассматриваетъ какъ эпизодъ изъ исторіи восточнаго вопроса, причѣмъ обращаетъ особенное вниманіе на задачи, указанныя гр. Остерманомъ, руководителемъ русской политики того времени, представителемъ Россіи на Немировскомъ конгрессѣ, составляющемъ главную задачу всего изслѣдованія.

Поставленный въ такія рамки, трудъ г. Кочубинскаго представляется ученымъ изслѣдованіемъ одного изъ наименѣе обработанныхъ эпизодовъ восточнаго вопроса. Главная и существенная заслуга автора заключается въ томъ, что онъ не ограничивается возстановленіемъ внѣшнихъ фактовъ, пересказомъ современныхъ извѣстій, но изслѣдуетъ внутренній смыслъ событій, слѣдитъ за руководящими идеями. Трудъ г. Кочубинскаго — цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу, столь небогатую учеными изслѣдованіями подобнаго рода; для исторіи же восточнаго вопроса онъ можетъ служить образцомъ для будущихъ изслѣдователей. Можно не соглашаться съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ г. Кочубинскаго, можно противорѣчить той или другой догадкѣ его, но нельзя не признавать его методъ и приемы строго научными, нельзя не удивляться его глубокому знакомству съ вопросомъ, его всесторонней начитанности.

Исторія пятилѣтней войны Россіи съ Турціей, 1735—1739, изображена г. Кочубинскимъ въ связи съ новою постановкою восточнаго вопроса Петромъ Великимъ и въ соотвѣтствіи съ послѣдующимъ ходомъ развитія этого вопроса. Такая широкая программа свидѣтельствуется о серьезномъ изученіи причинъ и слѣдствій тѣхъ явленій,

какія наблюдались за эти пять лѣтъ и, прежде всего, Немировскаго конгресса.

Г. Кочубинскому принадлежитъ честь перваго историка, подробно изслѣдовавшаго ходъ переговоровъ на конгрессѣ въ Немировѣ. До послѣдняго времени свѣдѣнія объ этомъ конгрессѣ въ русской исторической литературѣ были крайне сбивчивы, даже невѣрны ¹⁾; только благодаря г. Кочубинскому конгрессъ въ Немировѣ представляется теперь въ его настоящемъ свѣтѣ.

Главнымъ „дѣйствующимъ лицомъ“ на Немировскомъ конгрессѣ оказывается руководитель русской политики въ царствованіе Анны Іоанновны, гр. А. И. Остерманъ, пребывавшій въ Петербургѣ: онъ не былъ въ Немировѣ, но на конгрессѣ русскіе представители говорили и дѣйствовали по его инструкціямъ, и только по нимъ. Г. Кочубинскій первый обнародовалъ чрезвычайно любопытную, „писанную собственноручно гр. Остерманомъ“ (20), инструкцію 14-го іюня 1737 года и рядъ дополняющихъ эту инструкцію рескриптовъ, продиктованныхъ тѣмъ же Остерманомъ. Какъ самая инструкция рассмотрѣна авторомъ во всей подробности (212, 239, 311, 371, 375, 395, 471, 522), такъ и смыслъ рескриптовъ опредѣленъ съ возможною точностью ²⁾. Само собою разумѣется, что разъясняя „видѣнное“ значеніе инструкции и рескриптовъ, г. Кочубинскій обратилъ вниманіе и на автора этихъ историческихъ документовъ.

„Инструкция полномочнымъ министрамъ“ въ Немировѣ, по словамъ г. Кочубинскаго, есть „мостъ, переброшенный отъ идей Петра къ восточной политикѣ Екатерины II, катихизисъ нашей южной политики XVIII столѣтія—XIX привело его къ настоящему осуществленію и затѣмъ повело дѣло логически дальше“ (211). Въ чемъ же заключался смыслъ этой инструкции? „Возсоединеніе Степи, старой русской земли, обезвреженіе, если не присоединеніе Крыма, южная

¹⁾ Г. Кочубинскій обращаетъ вниманіе на то, что даже въ 1893 г. русское историческое общество напечатало, будто Немировскій конгрессъ составленъ „при посредничествѣ Англіи и Голландіи“ (*Сборникъ*, т. 86, стр. XXI), между тѣмъ какъ гр. Остерманъ отклонилъ этихъ медиаторовъ, „понеже немалая внутренняя злоба и парціальство къ туркамъ присматривается“ (278). Ср. *Соловьевъ*, XX, 128.

²⁾ Дѣла Немировскаго конгресса заимствованы г. Кочубинскимъ изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Кромѣ инструкціи 14-го іюня 1737 г., авторъ приводитъ выдержки изъ рескриптовъ, отъ 6-го іюля (222), 12-го іюля (223), 26-го іюля (236, 271), 3-го августа (286), 31-го августа (301), 12-го сентября (308), 14-го сентября (329), 3-го октября (331), 1-го декабря (362).

граница Россіи по южному Дунаю и политическая независимость Молдавіи и Валахіи, первыхъ нашихъ сосѣдей изъ христіанъ Турціи—вотъ, говоритъ авторъ, основные пункты программы Остермана. Здѣсь все духомъ Петра Великаго дышало; но сликомъ широкая программа его была введена въ границы. Остерманъ допускалъ, что и его формулировка программы Петра еще, быть можетъ, останется въ области идеала: остальные условія онъ самъ называетъ „не толикимъ трудностямъ подлежащія“, эти же не легки. Но онъ выставлялъ свои главныя „кондиціи“ серьезно, съ убѣжденіемъ, какова бы судьба ихъ пока ни была: не сегодня, такъ завтра, но отнюдь не для одного торгашества. Возможность уступокъ въ нихъ, въ естественной зависимости отъ пестрыхъ обстоятельствъ минуты, онъ самъ въ принципѣ признавалъ, но требовалъ и отъ своихъ немировскихъ помощниковъ такой же разсудительности и серьезности въ приведеніи его идей въ дѣло, съ какою онъ формулировалъ ихъ въ кабинетѣ, подъ диктовку своего патріотическаго чувства и нравственнаго долга“ (219).

Что гр. А. И. Остерманъ былъ человѣкъ осторожный (88), что онъ обладалъ методическимъ государственнымъ умомъ (217), что онъ былъ дипломатъ искусный (358), что этотъ „нѣмецъ“ былъ „не только русскій, но русскій, который стоитъ двадцати другихъ“ (525)—въ этомъ теперь никто изъ историковъ-специалистовъ уже не сомнѣвается. Г. Кочубинскому извѣстно, однако, что въ лагерѣ историковъ-дилетантовъ¹⁾ тотъ же Остерманъ до настоящаго времени представляется „уродомъ нравственнаго міра“ (415), и, въ виду этого, ему слѣдовало, по крайней мѣрѣ, въ тѣсныхъ рамкахъ своей задачи, не оставлять въ сомнѣніи относительно дѣятельности гр. Остермана за время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. Между тѣмъ, имъ оставлены безъ вниманія „секретные пункты 4-го января 1742 года“, не смотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ и отвѣты на нихъ Остермана непосредственно касаются предмета изслѣдованія г. Кочубинскаго. Приводимъ эти пункты:

Вопросы:

6. Турецкую войну по какимъ важнымъ причинамъ старался ты начать, и для чего къ предосуж-

Отвѣты:

На 6-й. По какимъ причинамъ оное произошло, въ томъ ссылаюсь на дѣло въ кабинетѣ и на письмо

¹⁾ *Морской Вѣстникъ*, 1882, ноябрь, стр. 99, прим. 42.

денію Россійской славы и чести, не объявля по обыкновенію прежде Портѣ, Азовъ взять, о чемъ отъ Римско-цесарскаго и другихъ дворовъ происходили нареканія?

7. Отправка пословъ на Немировскій конгрессъ, съ какого умысла ты отъ нихъ долгое время утаивалъ мирныя кондиціи, а наконецъ, для чего такія невозможныя и затруднительныя велѣлъ объявить туркамъ кондиціи, для которыхъ турки тотчасъ броса конгрессъ развѣхались; отъ чего и бывшая тамъ убыточная и съ великимъ кровопролитіемъ война продолжалась, слѣдовательно не авантажнѣй миръ воспослѣдовалъ?

8. Для чего и съ какого умысла ты въ мирной съ турками неготиаци, никого изъ російскихъ національныхъ не употребилъ, но чужестранца Каньонія послалъ, который предъ тѣмъ ни въ какихъ важныхъ дѣлахъ не былъ употребленъ и російскихъ интересовъ знать не могъ; а чрезъ такое пренебреженіе онаго Каньонія, многое въ исполненіи мнимаго трактата затрудненіе, и послышки отъ обѣихъ сторонъ торжественныхъ пословъ, великій Россійскому государству причиненъ убытокъ; онаго Каньонія за что знатною денежною суммою наградишь?

мое къ визирю, предъ начатиемъ еще войны писанное.

На 7-й. Въ томъ такожъ ссылаюсь на дѣла; что же касается до кондицій, то при отъѣздѣ отсюда нашихъ министровъ на конгрессъ, въ то время онаы кондиціи еще были на мѣрѣ не положены. А въ прочемъ мирныя кондиціи отъ времени до времени въ отправляемыхъ отсюда къ нимъ министрамъ рескриптахъ писаны бывали, на которыя и ссылаюсь, такожъ ссылаюсь и на послѣднія пропозиціи и кондиціи, которыя на томъ конгрессѣ представлены были отъ нашихъ министровъ туркамъ и отъ турецкихъ нашихъ.

На 8-й. Каньоній для того къ тому употребленъ, что я его къ тому призналъ за весьма способнаго; что же и къ тому дѣлу никого изъ російскихъ національныхъ не употребилъ, въ томъ признаюсь виновнымъ и прошу прощенія; оному же Каньонію награжденіе дано за его въ томъ дѣлѣ трудъ; а торжественное посольство учреждено для славы Россійской изъ Персін, о чемъ и посламъ на конгрессѣ стараться было велѣно.

9. Когда по разорваніи Немировскаго конгресса, отъ высокаго ея императорскаго величества двора на тайнаго совѣтника Неплюева, за то, что онъ также не мало причиною къ турецкой войнѣ былъ, гнѣвъ имѣлся, для чего ты, уберегая его, оставилъ въ Кіевѣ старался, подъ видомъ будто бы онъ для заграничной корреспонденціи необходимъ былъ; въ чемъ однакожъ тогда никакой нужды не было ¹⁾).

На 9-й. Онаго Неплюева оставилъ въ Кіевѣ ни для чего инаго я не старался, токмо для содержанія съ нашими въ непріятельской сторонѣ тайными пріятелями корреспонденціи, которую онъ и исправлялъ, и ссылаюсь на его реляціи.

Нельзя, конечно, предполагать, чтобъ и секретные пункты 4-го января 1742 года могли измѣнить по существу изгладъ г. Кочубинскаго на гр. Остермана; но подробное ихъ изслѣдованіе внесло бы, вѣроятно, не одну новую черту въ обрисовку изгладовъ современниковъ на турецкую войну 1735—1739 гг. и помогло бы болѣе ясно опредѣлять ихъ отношенія къ гр. Остерману. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что эти секретные пункты относятся къ 1742 г., ни мало не оправдываетъ полнаго невниманія къ нимъ со стороны г. Кочубинскаго.

Судя по инструкціи 14-го іюля 1737 г., не подлежитъ сомнѣнію, что въ восточномъ вопросѣ гр. Остерманъ продолжалъ политику Петра Великаго. Такъ на бумагѣ; не такъ на дѣлѣ. Существенная особенность политики Петра Великаго заключалась въ томъ, что онъ ввелъ въ сферу восточнаго вопроса интересы славянъ, турецкихъ подданныхъ. Турки пользовались татарами на Востокѣ, Петръ I рѣшилъ воспользоваться славянами на Западѣ. Таковъ былъ естественный ходъ вопроса: для достиженія главной цѣли необходимо было дѣйствовать постепенно, съ одной стороны, на Азовъ, Крымъ, Грузію, Кавказъ, съ другой—на Польшу, Молдавію, Валахію и на славянъ Балканскаго полуострова, при чемъ главною цѣлью являлось сперва Черное море, потомъ—выходъ изъ него. Обезпечивъ тылъ и фланги, Петръ I заботился о содѣйствіи турецко-подданныхъ славянъ, какъ важнаго союзника для борьбы съ Турціею. Еще въ маѣ 1710 г. онъ думалъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1864, стр. 266.

уже „о Сербской землѣ, ярмомъ басурманскимъ обремененной“ и извѣщалъ черногорцевъ, что стремится „христіанскій народъ отъ тираниства поганскаго освободить, православныя церкви украсить и животворящій крестъ возвысить“. Гр. Остерманъ, какъ извѣстно, о славянахъ и не думалъ. А стоило подумать: едва Минихъ вступилъ въ Яссы, какъ къ нему явились сербы и болгары съ предложеніемъ услугъ и съ мольбой объ освобожденіи (487).

Заслуга гр. А. П. Остермана, и заслуга весьма значительная, заключалась въ обезпеченіи Россіи союзами со Швеціею, Австріею, Пруссіею, Даніею, Саксоніею, словомъ, со всѣми сосѣдними землями, при чемъ, спеціально для восточнаго вопроса, весьма важенъ былъ австро-русскій договоръ 6-го августа 1726 г. По артикулу 6-му этого договора, въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, „Цесарь на вспоможеніе пришлетъ Ея Всероссийскому Величеству 30.000 человекъ, а именно: 20.000 пѣхотинъ и 10.000 драгунъ“; слѣдующимъ, 7-мъ артикуломъ, постановлено: „И понеже по воинскому резону случиться можетъ, что обомъ сторонамъ полезнѣе будетъ общаго непріятеля изъ собственныхъ коегожде провинцій атаковать, въ такомъ случаѣ сообща совѣтовано будетъ, какимъ образомъ то лучше въ дѣйство произведено быть можетъ“. Сообразно этому 7-му артикулу, въ особомъ „секретнѣйшемъ“ артикулѣ, точно было выражено: „Понеже объ договаривающіяся стороны главнѣйшій интересъ имѣютъ стараться, дабы Порты Оттоманская владѣніе свое въ Персіи болѣе и чрезмѣрно не распространяла, того ради Его Цесарское Католическое Величество обѣщадетъ и обязуется Ея Всероссийскому Величеству, что ежели бы Порты Оттоманская помянутый трактатъ нарушила и коронѣ Россійской войною обязаться прилучилось, то тѣмъ самая помощи на самомъ дѣлѣ подать хотеть и долженъ есть, къ которымъ себя въ главномъ союзѣ обязалъ, развѣ по силѣ 7-го артикула трактата вспоможеніи лучше Портѣ Оттоманской войну объявить похочетъ“¹⁾. Вслѣдствіе этого договора въ войнѣ 1735—1739 гг. участвовала и Австрія; это была австро-русско-турецкая война. Когда этотъ договоръ составлялся и подписывался, еще были живы у всѣхъ на памяти успѣхи Евгенія Савойскаго надъ турецкими полчищами и не забыты тяжкія для Порты условія Пажаровацкаго договора 1718 г. Не вина, конечно, Остермана, что, двадцать лѣтъ спустя послѣ славныхъ побѣдъ, австрійскія войска потерпѣли на тѣхъ же почти поляхъ не

¹⁾ *Мартенсъ*, Сбор. тракт. и конв., I, 39, 43.

менше значительныя пораженія: въ политическомъ отношеніи война 1735—1739 гг. была поставлена въ наилучшія условія, и этимъ мы обязаны гр. Остерману. Въ военномъ отношеніи война эта, благодаря Миниху, представляетъ рядъ значительныхъ успѣховъ, одержанныхъ русскими войсками: взятіе Азова, разореніе Крыма, сдача Очакова, занятіе Молдавіи, славная Ставучанская побѣда, сдача Хотина—все это, безъ сомнѣнія, успѣхи, и успѣхи крупныя. Не забудемъ, что при Ставучанахъ одержана первая русская побѣда надъ турецкой вооруженной силой; вспомнимъ, что побѣда эта одержана 28-го августа 1739 г., а 18-го сентября, спустя три недѣли, подписанъ Бѣлградскій миръ, по своимъ условіямъ ни мало не соответствовавшій военнымъ нашимъ успѣхамъ.

Г. Кочубинскій, подробно и обстоятельно разсмотрѣвъ положеніе дѣла, тщательно оцѣниваетъ все извѣстія, касающіяся не только августа и сентября 1739 г., но и самаго сепаратнаго мира Австріи, и приводитъ рядъ любопытныхъ данныхъ, но въ окончательномъ выводѣ останавливается только на вопросѣ о несвоевременности войны, въ чемъ онъ обвиняетъ „однихъ горячихъ птенцовъ гнѣзда Петрова — Неплюева и особенно Вѣшнякова“ (525). Съ этимъ едва ли можно согласиться. Неплюевъ и Вѣшняковъ—второстепенные агенты; не они рѣшаютъ войну или миръ. Они доносили реляціями о положеніи Турціи, доносили добросовѣстно, какъ видѣли и понимали, но доносили только о Турціи; имъ ничего неизвѣстно относительно общаго положенія дѣлъ даже въ Россіи, не только въ Европѣ; имъ неизвѣстны ни взгляды Бирона, ни намѣренія Остермана, не говоря уже о желаніяхъ австрійскаго правительства или о намѣреніяхъ французскаго. Ни Неплюевъ, ни Вѣшняковъ, никто изъ второстепенныхъ дѣятелей не можетъ быть обвиненъ въ томъ довѣрїи къ услугамъ французскаго двора, какъ „медіатора“, которое погубило все плоды военныхъ успѣховъ нашихъ въ войну 1735—1739 гг. и, въ концѣ концовъ, погубило и самого гр. Остермана.

Изслѣдованіе г. Кочубинскаго чрезвычайно лестно рекомендуетъ себя своею серьезностью: его соображенія всегда чисто ученаго характера, онъ преслѣдуетъ интересы исключительно научныя. Русская историческая наука обогатилась въ прошломъ 1899 году нѣсколькими учеными трудами, заслуживающими серьезнаго вниманія. Рядомъ съ изслѣдованіями, касающимися XVI и XVII столѣтій—„Сельское хозяйство Московской Руси“, П. Рожкова; „Сельское населеніе въ Московскомъ государствѣ“, И. Дьяконова; „Очерки по

исторіи Смутнаго времени“, С. Платонова; „Церковный соборъ 1682 года“, Н. Виноградскаго—появилось два труда, посвященные XVIII вѣку—„Оберъ-прокуроры святѣйшаго синода“, О. Благовидова, и рассматриваемый нами трудъ. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій, трудъ г. Кочубинскаго выгодно выдѣляется своимъ методомъ и приемами строго ученаго изслѣдованія. Не только архивные матеріалы, нѣ издаваемые, даже современныя эпохѣ изданія, не говоря уже о новѣйшихъ, онъ подвергаетъ критикѣ, при чемъ его критика текста обличаетъ ученаго филолога, а критика факта серьезнаго историка. Онъ не оставляетъ безъ критическаго изслѣдованія ни одного сомнительнаго названія, малозвѣстнаго имени, ни одного вопроса, какъ незначителенъ онъ ни былъ бы, если только этотъ вопросъ касается предмета его труда.

Положивъ въ основу своего труда „Немировскія дѣла“, г. Кочубинскій помѣстилъ въ „Приложеніи“ нѣсколько документовъ какъ изъ главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ и изъ пражскаго Archiv Zemský Królevství Českého. Текстъ всѣхъ этихъ изданныхъ имъ документовъ очищенъ критикою и снабженъ необходимыми примѣчаніями настолько, что историку легко уже пользоваться ими для своихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи „Приложенія“ г. Кочубинскаго являются образцовыми.

Въ числѣ архивныхъ матеріаловъ въ „Приложеніи“ изданъ „Секретнѣйшій рескриптъ“ отъ 3-го августа 1737 года, весь писанный рукою гр. Остермана. Представителямъ Россіи на Немировскомъ конгрессѣ предписывается этимъ рескриптомъ между прочимъ: „Ежели съ cesарской стороны такія кондиціи требованы были-бъ, на которые-бъ турки поступить не похотѣли, то вамъ за тѣми cesарскими кондиціями не остановиться, но свой миръ не отлагая заключать“ (XXI). Понимая вполнѣ, насколько такой сепаратный миръ противорѣчилъ условіямъ австро-русскаго договора 1726 года, гр. Остерманъ прибавлялъ: „Но понеже сей артикулъ весьма важный и деликатный и къ великому нашему предосужденію служить могло-бъ, ежели-бъ cesарскіи министры о такомъ вамъ данномъ указѣ малѣйше что увидали, того ради по присяжной вашей должности чрезъ сіе вамъ повѣляется—онный въ наивящемъ секретѣ содержать и чтобъ кромѣ васъ трехъ никто объ ономъ не вѣдалъ и никакимъ образомъ объ немъ не пронеслось, яко вы въ томъ отвѣтствовать должны будете“ (XXII). Смыслъ этого „указа“ долженъ быть принятъ во вниманіе при оцѣнкѣ того „раздраженія и негодованія“ (506), какое возбу-

дла на берегахъ Невы вѣсть о сепаратномъ мирѣ австрійцевъ съ турками.

Можно только удивляться начитанности г. Кочубинскаго. Не говоримъ уже о повѣйшихъ сочиненіяхъ, касающихся занимающаго его вопроса, гдѣ ему извѣстна не только книга *De la Basse de Napteuil, L'Orient et l'Europe depuis le XVII siècle*, Paris, 1898, но и небольшая статья въ *Revue de l'Orient chrétien*, 1895, Avril (8); имъ просмотрѣны и исчерпаны многія изданія, современныя изслѣдуемой имъ эпохѣ, начиная съ *Głos wolny szlachcica wolność ubezpieczającą*, Nancy, 1733 (57) и *Recherche des causes de la présente guerre entre S. M. l'Impératrice de Russie et la Porte Ottomane*, La Haye, 1737, до мелкихъ календарей и отдѣльныхъ листовъ 30 и 40 годовъ прошлаго столѣтія. Не ручаясь за точность нашего счета можемъ удостовѣрить, что нами отмѣчено болѣе 25 брошюръ первой половины XVIII вѣка, упоминаемыхъ г. Кочубинскимъ ¹⁾. Онъ пользуется ими, главнымъ образомъ, для обрисовки взгляда современниковъ и для опредѣленія впечатлѣнія, произведеннаго тѣмъ или другимъ событіемъ; онъ помогаетъ ему нерѣдко при географическихъ справкахъ и при характеристикѣ лицъ.

Какъ и при архивныхъ матеріалахъ, г. Кочубинскій подвергаетъ критической провѣркѣ всякое извѣстіе, заимствованное имъ изъ печатныхъ источниковъ, и нерѣдко его примѣчанія составляютъ сами по себѣ цѣлое изслѣдованіе. Таково, напримѣръ, его примѣчаніе о могуществѣ французской политики на Востокъ съ половины XVII столѣтія (7), о перколабѣ (XXX) и мн. др. Можно, конечно, не соглашаться съ его догадкой, что перколабъ есть передѣлка нѣмецкаго *Burggraf* (182, 231), но нельзя не поблагодарить его за тщательныя изысканія, давшія ему возможность довольно точно опредѣлить значеніе перколаба и его положеніе среди обывателей (XXX).

Особенно интересны, и для исторіи войны 1735—1739 гг. особенно драгоцѣнны, примѣчанія географическія. Они составлены съ особенною тщательностью, при чемъ не оставленъ безъ разъясненія ни одинъ даже малѣйшій географическій терминъ, ни одинъ перевозъ на рѣкѣ, ни одна балка, по которой шли русскія войска. Не касаясь чисто военныхъ вопросовъ, отрекаясь даже отъ нихъ (124), г. Ко-

¹⁾ Указываемъ страницы, на которыхъ названы главнѣйшія: 8, 9, 57, 80, 98, 101, 138, 160, 163, 245, 247, 250, 257, 263, 342, 343, 356, 372, 378, 430, 434, 456, 458, 467, 468, 502.

чубинскій, тѣмъ не менѣе, собралъ богатый военно-географическій матеріалъ относительно театра войны на югѣ Россіи и, не довольствуясь рукописными и печатными свѣдѣніями, воспользовался свѣдѣніями своего отца, съ реляціею Миниха въ рукахъ обходившаго указанныя мѣстности (476), самъ прошелъ всѣ мѣста нижняго Дуная и Прута (478), спускался въ Едикуль искать слѣдовъ русскихъ военнопленныхъ, и нашелъ (382). Вотъ почему его географическія описанія отчетливы и ясны, хотя испещрены примѣчаніями ¹⁾.

При такомъ обиліи примѣчаній, составляющихъ добрую треть обширнаго труда г. Кочубинскаго, встрѣчаются, конечно, и такія, съ которыми трудно согласиться. Ихъ, впрочемъ, весьма немного, и мы укажемъ только одно: упомянувъ, въ самомъ началѣ своего изслѣдованія, о „южной программѣ царя Петра“ въ восточномъ вопросѣ, г. Кочубинскій сопровождаетъ это упоминаніе обширнымъ примѣчаніемъ, которое должно служить подтвержденіемъ слѣдующаго положенія автора: „Петръ Великій не вдохновлялъ русскаго народа: закрѣпощеніе отрѣзало его отъ государства, и у него вдохновитель—Стецька Разинъ“ (4). Ни въ общемъ, ни въ частностяхъ это положеніе не выдерживаетъ самой снисходительной критики.

Имя Петра Великаго хорошо извѣстно народной поэзіи. Не народное пѣснотворчество не знаетъ Петра, а мы не знаемъ народныхъ пѣсней или знаемъ ихъ не вполне. Первая болѣе или менѣе значительная записъ народно-поэтической старины сдѣлана была Киршею Даниловымъ, потомъ Чулковымъ, Трутовскимъ, Новиковымъ, Дмитриевымъ, Поповымъ и т. д. до Кирѣевскаго. Въ нашей литературѣ, какъ въ руководствахъ русской словесности, такъ и въ хрестоматіяхъ, даже въ исторіяхъ русской литературы, напр. Галахова, высказывалось, лѣтъ 30—40 назадъ, господствовавшее тогда мнѣніе, будто Петръ Великій не оставилъ по себѣ никакого почти слѣда и отклика въ народномъ пѣснотворствѣ. Это мнѣніе, какъ вполне ложное, было категорически опровергнуто, еще 30 лѣтъ назадъ, издавіемъ 8-го выпуска „Пѣсней собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ (Москва, 1870), всецѣло посвященнаго Петру Великому. Въ сборникѣ Кирѣевскаго, дополненномъ и изданномъ г. Безсоновымъ, „пѣснотворчество народное слѣдуетъ шагъ въ шагъ почти за всѣми важ-

¹⁾ Указываемъ важнѣйшія: 111, 128, 130, 133, 161, 212, 230, 233, 393, 406, 407, 471, 473, 475, 476, 478, 482, 483, 488, 492, 494; особенно важныя для Юга Россіи: 49, 120, 170, 229—232, 342—343, 404.

нѣйшими дѣйствіями и событіями жизни великаго государя, отъ минуты рожденія его до послѣдняго дыханія: величавый образъ носится всюду, даже въ тѣхъ былевыхъ пѣсняхъ, которыя единственно лишь современны своимъ происхожденіемъ и касаются случаевъ какъ будто постороннихъ; и здѣсь, если не дѣйствуетъ онъ, то онъ присутствуетъ, какъ зеркало, передъ коимъ совершается дѣйствіе, какъ духъ и характеръ, вызовъ къ творчеству и средоточію фантазій⁴. Всего г. Безсоновымъ издано 198 пѣсней и 2 сказки о Петрѣ Великомъ, причемъ издатель свидѣтельствуетъ, что собрано еще далеко не все, чѣмъ Петръ Великій вдохновлялъ русскій народъ. Но и то, что уже издано г. Безсоновымъ, давало ему право сказать, а мы рѣшаемся напомнить г. Кочубинскому: „Всякій порядочный историкъ отнынѣ воспользуется симъ для исторіи Петра и Петровской эпохи: въ наукѣ восполнился громадный, значительно прежде ослаблявшій ее, пробѣлъ. А когда, наконецъ, въ этомъ новомъ, прямо изъ устъ народа, столь свѣжемъ еще памятникѣ видимъ мы явную любовь къ Петру и некрепнее къ нему сочувствіе, когда встрѣчаемъ воплощенное представленіе всего величія тогдашнихъ событій и сознаніе далеко проникающее впередъ, въ ожиданіи знаменательныхъ плодовъ отъ будущаго и съ терпѣніемъ передъ тугимъ ростомъ началъ новыхъ, крѣпкою рукою втиснутыхъ въ тогдашнюю почву русской жизни: мы отнынѣ, чтобъ ни говорила о Петрѣ и какая бы ни говорила намъ исторія, сошлемся всегда на творчество народное. Ясный историческій взглядъ на эпоху перѣдко подтвердимъ мы: да, то же самое, и также точно говоритъ самъ народъ въ своихъ пѣсняхъ; самую отличительную тенденцію встрѣтимъ порою словами: однако же не такъ передается дѣло въ творческомъ образѣ самого народа. Историческую истину можно поздравить съ немаловажнымъ торжествомъ правды“¹⁾.

Мы не оказали бы должнаго вниманія къ разсматриваемому труду, еслибъ умолчали о языкѣ, которымъ онъ написанъ. Какъ ни было бы специально изслѣдованіе, изложеніе его должно быть, прежде всего, ясно и удобопонятно. Самый лучший слогъ подобныхъ трудовъ всегда наиболѣе простой; въ простотѣ слога заключена та внутренняя красота его, которая свидѣтельствуетъ объ отчетливомъ пониманіи и ясномъ представленіи предмета разсказа. Такъ просто написаны г. Кочубинскимъ „Двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ“, такъ ясно со-

¹⁾ Пѣсни Кирѣевскаго, VIII, стр. II, XVI.

ставлена имъ картина „На Босфорѣ въ 1735 году“; не такъ изложенъ разсматриваемый трудъ. Здѣсь, напротивъ, отдано предпочтеніе какой-то вычурности, перѣдко затемняющей смыслъ. Вѣрная по большей части мысль облечена иногда въ такую вычурную форму, которая можетъ только затруднить читателя и безъ нужды заставить его призадуматься. На одной изъ первыхъ же страницъ разсматриваемаго труда встрѣчаются слѣдующія, напримѣръ, витіеватыя строки:

„Умеръ великій политикъ Россіи начала XVIII столѣтія, и, естественно, если грузная государственная машина, державшаяся на плечахъ одного человѣка, нѣсколько зашаталась. Естественно, если въ первые годы мы видимъ какъ бы недомоганье справиться съ завѣщаннымъ наслѣдіемъ—Россіей, а не Москвою царя-отца, царя Алексѣя. Нѣкоторое замѣшательство, разладъ — обыкновенные спутники переходнаго времени. Но и въ тяжелые годы выучки русскаго человѣка, освоеніе его съ его новымъ — европейскимъ положеніемъ въ Европѣ, освоеніе, которому сопутствовала извѣстная усталость его духа, „тестаментъ“ царя Петра, воплощавшійся въ основныхъ побужденіяхъ, стремленіяхъ его многолѣтней дѣятельности—оставъ Востоку, носился надъ высшей политикой переходной Россіи, былъ безразличенъ для нея, напротивъ, чутко чувствовался ею“ (4).

Трудно не согласиться съ основною мыслью автора, но нельзя не пожалѣть о формѣ, въ какой она выражена. Иногда эта форма создается авторомъ чисто искусственно, напримѣръ: „Такъ немирно, прямою и усложненною войною заключался тотъ же 1736 годъ на Сѣверѣ, на Невѣ, когда Вѣшняковъ, съ оливковою вѣткою въ рукахъ, входилъ въ предѣлы Россіи съ Юга, изъ своего дунайскаго заточенія, отъ береговъ Овидія“ (175). Въ иныхъ же случаяхъ неясность происходитъ отъ небрежности слога, напримѣръ: „Бель, посланный въ декабрѣ англійскимъ посломъ Рондо безъ отписки, прямо на Босфоръ, чтобъ ускорить новый Немировъ, былъ долго продержанъ въ Яссахъ, а на Невѣ лишь въ маѣ“ (369).

Не только слогъ, иногда и отдѣльныя слова затрудняютъ читателя, напримѣръ: осчастливаемый (98), пріяющій (375), тонче (404) и др.

Не смотря, однако, на подобные недостатки языка, изслѣдованіе г. Кочубинскаго читается съ большимъ интересомъ. Благодаря строго ученой системѣ обработки матеріала, какъ самый Немировскийъ конгрессъ, такъ и событія, его вызвавшія и имъ порожденныя, пред-

ставлены точно, опредѣленно, и производятъ должное впечатлѣніе. Въ этомъ сказалась сила чисто ученаго изслѣдованія: даже въ затрудняющей читателя формѣ изложенія, предметъ изслѣдованія представляется явленіемъ живымъ и яснымъ, чѣмъ и объясняется интересъ, возбуждаемый разсматриваемымъ трудомъ г. Кочубинскаго.

В. Бильбасовъ.

Современный индійскій святой ¹⁾.

THE RIGHT HON. F. MAX MÜLLER. RĀMAKRISHNA. HIS LIFE AND SAYINGS. London 1898, pp. X+200, in 8°.

Въ Индіи и въ наше время живутъ и нарождаются святыя. Одни изъ нихъ ускользаютъ отъ пронизательнаго глаза европейскаго чиновника и изслѣдователя въ глухихъ дебряхъ или деревушкахъ, о другихъ, къ сожалѣнію менѣе многочисленныхъ, мы узнаемъ иногда изъ туземной печати и изъ разсказовъ путешественниковъ. То, что мы узнаемъ о нихъ, по большей части очень напоминаетъ давно извѣстныя старинныя легенды о брахманскихъ, буддійскихъ и джайнскихъ подвижникахъ, изреченія ихъ, часто собираемая заботливою рукою учениковъ и послѣдователей, нерѣдко оказываются почти дословными заимствованиями изъ священныхъ писаній, которымъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Этихъ людей можно понять только въ связи съ тѣмъ многовѣковымъ прошлымъ Индіи, которому они принадлежатъ и которое они намъ ярко освѣщаютъ.

Недавно проф. М. Мюллеръ издалъ жизнеописаніе одного изъ такихъ индійскихъ святыхъ, переданное со словъ его ученика. Это не вполне жизнеописаніе, а отчасти и житіе; ученикъ, несмотря на очевидно приложенныя имъ старанія, не могъ откинуть многихъ чертъ жизни учителя, въ существованіи которыхъ самъ не сомнѣвался, но которыя мы, конечно, отнесемъ къ легендѣ.

Рамакришна родился въ 1833 году въ Бенгалѣ, отецъ его былъ бѣдный брахманъ, отличавшійся добродѣтелью и благочестіемъ, мать—скромная, хорошая женщина. Мальчикъ съ дѣтства привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Любимымъ его занятіемъ было участіе въ посвя-

¹⁾ Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ. 16-го декабря 1899 г.